

Мел Гибсон верит в предопределенность

Сьюзен ХОУАРД

В 2002 году М. Найт Шьямалан сделал с карьерой Мела Гибсона то же самое, что сотворил три года назад с карьерой Брюса Уиллиса: превратил увядающую звезду "экшн" в полнокровного героя триллеров. В новом фильме Шьямалана "Знаки" Гибсон играет священника Грэхэма Хесса, разочаровавшегося в Боге после смерти жены; испытания, выпавшие на долю его семьи, заставляют Грэхэма заново оценить свое отношение к Богу.

— Каким образом вы попали в этот проект?

— Найт позвонил мне, мы протрепались по телефону целый час. Потом я прочитал сценарий и сразу дал согласие.

— Пытался ли Шьямалан подтолкнуть вас в какие-то области, куда вы как актер еще не ходили?

— Не совсем так. Найт прежде всего требует правды. Если бы существовала полиция правды, он был бы начальником департамента. Если он не получает то, что ему нужно, говорит об этом безо всяких обиняков. Но, с другой стороны, пару раз у нас получалось кое-что, чего он не планировал, и он говорил: "Знаешь, я оставляю это. Так лучше". Хотя, конечно, точность — его конек. Если я делал что-то, что не вписывалось в его представление о герое, он тотчас же меня одергивал. Он был моим цензором.

— Например?

— Например: "Эй, ты изогнул левую бровь, как супермен!" Когда я услышал это в первый раз, просто опешил. Но потом посмотрел на мониторе... Знаете, этот язык тела, едва заметные нюансы мимики — на крупном плане они говорят очень много. Я не имел права подминать под себя чужое художественное видение, героя, придуманного другим человеком. Найт — великий режиссер. Думаю, главное — говорить другу другу правду. Найт не читал мне мои реплики с нужными ему интонациями, но мы часто спорили и быстро находили общий язык. Найт умеет общаться с людьми.

— Шьямалан описывает фильм "Знаки" как кино класса "А" с тематикой класса "Б". А вы?

— Знаете, мне трудно описать наш фильм одной фразой. Для меня этот фильм — духовная одиссея. Когда Найт позвонил мне в первый раз, он описал героя как человека, который теряет веру и снова ее обретает. Я сказал: "Это же очень просто!" Но на поверку оказалось, что сцепка событий, которые приводят его к обретению веры, имеет глобальный характер. Я не знаю, как описать наш фильм. Фантастика?

Триллер? Да, наверное, здесь есть и то, и другое, но главное в сюжете — человеческий элемент. Думаю, все мы подозреваем, что где-то существует некая высшая реальность, и все мы хотим до нее дотянуться, и это обязательно влияет и на наше поведение, и на наше мироощущение. Любой человек рано или поздно спрашивает себя: "Что я здесь делаю?"

— Ваше мнение о зерновых кругах?

— Думаю, что это изощренная мистификация, хотя не понимаю, каким образом тусовка шутников ухитряется за ночь создавать огромные круги необычной формы. Но все же я остаюсь скептиком. Если бы инопланетяне хотели вступить с нами в контакт, почему бы им просто не заглянуть к нам на чашечку кофе?

— Вы верите в Бога?

— Верю. Должно существовать что-то, что больше меня — иначе быть беде! (Смех). Если нет Бога, то зачем я здесь? Хотя я не очень жалую церковь и считаю, что она продажна, как любая организация. И ужасаюсь, когда читаю о преступлениях, особенно об истязаниях детей. Но все равно я верю в Бога.

— Были в вашей жизни моменты, когда вы сомневались в вашей вере?

— Да, иногда. Это из-за гордыни, из-за недостатка скромности. У меня проблема со скромностью, особенно, когда удача меня покидает. Я стараюсь убедить себя, что жить по плану невозможно, что отдельные ошибки не означают, что все остальное было неправильно. Нужно смиряться с тем, что не ты хозяин своей жизни.

— Значит, вы верите в судьбу?

— Я верю в предопределенность. Что тебе на роду написано — то и будет. Я не верю в счастливые совпадения, мне кажется, что они таковыми лишь кажутся. Впрочем, думать и говорить об этом не люблю — мозги скукоживаются. Скажу только, что в моей жизни были кое-какие необъяснимые события, благодаря которым я не могу отвергнуть идею сверхъестественного вмешательства, направляющего нас по тому или иному пути.

— У вас не было желания давать Шьямалану советы, когда он играл в качестве актера?

— Думаю, он и без меня знал, что делает. Я не хотел быть парнем с заднего сиденья, который терзает водителя указаниями. Помню, когда он закончил, я не выдержал и встрял: "Пятый дубль лучше всех". И на следующий день он мне между делом сказал: "Ты был прав насчет пятого дубля". Понимаете, когда смотришь на игру со стороны, гораздо легче быть объективным. В тот день Найт сказал: "О, Господи, как же трудно быть актером!" Но он отлично сыграл!

— Трудно ли было работать с актерами-детьми Рори Калкиным и Эбигайл Бреслин?

— Замечательные дети. Сегодня детишки год от года все умнее и талантливее. Наверное, их специально кормят чем-то особенным. Приходится вставать на цыпочки, чтобы играть на их уровне. У. С. Филдс отлично работал с детьми — весь дух из них вышибал. Стараюсь идти по его стопам. Жаль, что Найт не пустил на финальных титрах запорченные дубли, после которых я колочу Эбби и Рори! (Смех).

— Много ли розыгры-

шей вы устраивали на съемочной площадке?

— Меньше, чем обычно. Обленился. (Смех).

— Ваш партнер Хоакин Феникс упоминал о дверной ручке, смазанной вазелином.

— Он скромничает. Это были цветочки. Ягодки — это когда мы заперли его в буафорском клозете. Он снимался там в своей сцене, а потом мы заперли дверь, выключили свет и сделали вид, что ушли. Но он нас переупрямил! Он все понял, но не стал стучаться и просить, чтобы его выпустили. Он тихо сидел там около четверти часа. Сначала нам было смешно, потом нас начало раздражать любопытство, а потом мы просто перепугались — вдруг с ним что-нибудь случилось? А когда мы открыли дверь, он сказал: "Долго же вы ждали очереди в клозет!" Потом, правда, заявил, что в следующий раз позвонит своему адвокату. Но он победил, и мы сдались. Я восхищаюсь его терпением. Я бы разнес декорацию в клочья.

— Вы начали снимать через два дня после 11 сентября. Это повлияло на работу актеров?

— Да, в первые дни все мы были в шоке. Но нам это только помогло. Я понимаю, это звучит ужасно, но события 11 сентября помогли нам играть состояние шока и растерянности. Перед началом съемок у нас была минута молчания при свечах. Черри Джонс приехала на съемки прямо из Нью-Йорка, она была недалеко от места катастрофы, когда все это произошло. Несомненно, это повлияло на ее игру.

— Вы говорили, что много разговаривали со Шьямаланом. Что запомнилось вам из этих

разговоров?

— Однажды он рассказал, что идея снять "Знаки" зародилась у него, когда он сидел в какой-то закусочной, увидел огромную семью за соседним столом и подумал: "Смогу ли я снять фильм, который будет интересен им всем — и отцам, и детям, и бабушкам?" Думаю, это признак великого режиссера — желание снять фильм для всех, кому не лень ходить в кино. На свете не так уж много универсальных историй и придумать что-то оригинальное почти невозможно. Но Найт рискнул — и выиграл.

— Ваши дети пока не собираются идти по вашим стопам? Ведь вашей дочери Ханне уже 21 год.

— К счастью, пока ее это не интересует. Она уже путешествовала, смотрела, как живут разные люди. Она довольно хороша собой, неглупа. Мне кажется, что если она и пойдет работать в кино, то станет не актрисой, а режиссером или сценаристом. Она любит размышлять, анализировать. Остальные дети все время возятся с видеокамерами, что-то снимают — но сейчас все подростки этим занимаются.

— Вы много времени проводите на съемочных площадках. Вам трудно выкраивать время для семьи?

— Я стараюсь сниматься так, чтобы во время летних каникул быть свободным. А когда я уезжаю на съемки, стараюсь вырваться домой как можно чаще.

— Вот уже четверть века вы — кинозвезда. Вы считаете, что привыкли к славе?

— Жизнь в Голливуде с каждым годом становится все более и более странной. Или, быть может, мне так кажется, потому что я старею. Впрочем, сейчас я чувствую себя вполне в своей тарелке — тем более, что я решил, что пришло время немного расслабиться и не думать о карьере.

— Вы всегда играли героев. Вам бы не хотелось сыграть плохого парня?

— Несколько лет назад я сделал фильм "Расплата", где играл по-настоящему плохого парня. Он был тупым, ограниченным, жадным типом, он убивал и калечил людей. Оказалось, что зрители готовы простить ему и садизм и все прочее. Но только если его играю я. После этого я стал задумываться — а стоит ли мне играть плохих парней?

— Вам никогда не хотелось вообще уйти из кино?

— Мне нравится эта игра, но мне хотелось бы больше заниматься продюсированием и режиссурой. А если соглашаться сниматься, — только в чем-нибудь очень хорошем. Таким, как "Знаки".

Ждан и сценарий